

Наталья Костина

Больше, чем одиночество

Всем уходящим в Сеть, как в море, посвящается

Сеть — приспособление для ловли рыб, птиц и т. п., состоящее из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами.

Сеть — множество переплетенных, скрещенных линий.

Толкование слова по словарю Ожегова

Сеть — олицетворяет ловушку, затруднительное положение.

Словарь символов

Социальная сеть (от англ. social networking servis) — платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений.

Линия 1

*Я райская адская В смысле донецкая гадская
Выдающаяся рассказчица Чисто сестра Стругацкая
Елена Фанайлова. Балтийский дневник*

«привет. это я»

Я смотрю на экран, смотрю не мигая, до рези в глазах... напротив твоей фотографии светится зеленая точка... почему ты не отвечаешь? Ты же здесь, в Сети... от нее невозможно скрыться, ее нельзя обмануть... по крайней мере я так думаю. С кем ты разговариваешь? Ярлык «только что» сменяется на «одну минуту назад», потом «две минуты»... а я все смотрю, как будто ты можешь почувствовать этот мой взгляд... Полчаса спустя я отрываюсь наконец от этого бесполезного занятия и переключаюсь на работу... но не могу сосредоточиться... я снова и снова открываю проклятый сайт знакомств в надежде увидеть: «вам сообщение»... Наконец, ближе к полуночи, вдруг вываливается сразу пять месседжей. У меня дрожат руки, прерывается дыхание, а сердце длинно падает... падает... но это все не от тебя. «Давай займемся сексом по скайпу». Щас, разбежалась!.. Год назад смачно послала бы этого гамадрила, а сейчас ничего не отвечаю... нужен ты мне... со

своей захламленной комнатой и мамашей за картонной стенкой рядом, которая только уснула, сварив тебе борщ и накрутив котлет на неделю. А ты, недоносок, нажимаешь «копировать» и рассылаешь это сообщение всем подряд... авось какая-нибудь дурочка попадетсЯ... Ты будешь драть потными руками, а потом вырубись в своей конуре, полной омерзительного запаха спермы, грязных носков, бутылок из-под пива и табачного перегара. «Ты действительно такая прикольная, как на фотке?» Критически смотрю на свою аватарку. Хочется ответить, что не люблю глупых вопросов, но тут меня пробивает. Пишу: «На самом деле я негр-гомосек восьмидесяти пяти лет». И чувствую хоть какое-то удовлетворение. Остальное все стандартное, все неважное... просто рассылка спама. Я ничего не отвечаю... да и что на это ответить? «Спасибо, мне ничего не требуется»? Как говорится, вопрос риторический... Я по умолчанию не хочу ни мебели на заказ, ни эротического белья, ни массажей, ни горящих путевок... сейчас я желаю только одного — чтобы ты нашелся. Но тебя нет. И, значит, нужно выключить этот проклятый комп и лечь спать наконец... и я снова ничего не сделала. Курсовая гирей висит на моей совести... но я не могу ее написать. Потому что сижу и сижу в Сети: безо всякой цели... хожу по ссылкам, читаю новости, в

которых нет ничего нового, просматриваю бесконечное количество демотиваторов, где-то даже хихикаю... но всем этим я занимаюсь только затем, чтобы еще потянуть время... вдруг ты объявишься? Ты мне нужен. Нет, даже так: ты мне необходим!.. куда ты пропал?

Хлопает дверь, в комнату вваливается моя соседка, тетка и почти подружка, Танька.

— Привет, Белка! Че не спим?

— Тебя жду...

Это неправда, и мы обе это знаем, но ей приятно.

— Жрать хочешь?

Хороший вопрос — и я тут же вспоминаю, что не ела с утра. Жидкий чай с булкой на завтрак... нет, между парами еще перекусывала — ходила на угол за пирожками. Внезапно чувствую, что хочу есть жутко, просто зверски.

— Чайник поставь, — бросает Танька, стаскивая боты на таких каблучищах, что каждый раз, когда она надевает эти штуки, я боюсь, что придется ехать за ней в травматологию.

Однако она ни разу даже не падала... в отличие от меня, которая ходит исключительно в тяжелых говнодавах и все равно умудряется цепляться локтями, биться коленями... а каблучки мне вообще противопоказаны, хотя даже у меня имеются шузы на высоченных стилетах. Для

«представительства и обольщения». Это не я так выражаюсь. Это классика. По-моему, Ильф и Петров. Однако когда я выходила последний раз в этих пыточных штуках, то умудрилась застрять в решетке метро. Ощущение было такое, как будто меня резко дернули за ногу. Разумеется, я рухнула в затоптанном переходе, а нелюбопытный и неотзывчивый пипл обтекал мое распростертое тело, как река огибает остров: мало ли, вдруг пьяная, еще блеванет... Я тогда хорошо приложилась. Садины заживали недели три, не говоря о том, что пришлось выбросить колготки, перчатки и сменить разбитый вдребезги экран мобильного. Словом, мадемуазель получила от пикника удовольствие...

— Один лось в ресторан водил, — поясняет подруга, доставая из объемистой сумки пластиковый контейнер.

В нем салат и немалый шмат мяса с аппетитными отметинами от гриля. Оливки, просвечивающие сквозь майонезное месиво, заставляют меня проглотить слюну.

У Таньки полным-полно ухажеров, она легко идет на контакт, но свидания назначает исключительно в точках питания. Говорит, так сразу видно, кто есть ху. Именно с ее подачи я и застряла на этом проклятом сайте знакомств... куча грязи, пошлости — ну кто ходит на эти сайты?

Искать там что-то стоящее — пустое времяпрепровождение, но... меня частенько затягивают словесные игры — и здесь полно мастеров в них играть. Хотя в данном конкретном случае мне действительно стоило послушаться Татьяну, у которой большой опыт подобного общения, и не принимать ничего всерьез... Пройтись, как она выражается, людей посмотреть, себя показать и получить от этого максимум пользы и кайфа. А если ни пользы, ни удовольствий не предвидится — посылать сразу и далеко. Сама она именно так и делает, отправляясь на очередное randevu... а я не могу. Посему и торчу здесь, в нашей комнатухе, просиживая зад у экрана, со всех сторон заваленного книгами, чашками и прочим житейским хламом, который с благословения Сети плодится и размножается вокруг компа со скоростью деления простейших организмов.

Почти каждый день кто-то что-то и мне предлагает, но... Того, кто был бы мне действительно интересен, до сих пор не находилось, а сексуально озабоченные, которых на любом сайте или форуме пруд пруди, меня не интересуют. Ужинать же, а потом крутить динамо, как май френд Татьяна, я не умею. Танюха, не стесняясь, сразу ставит все точки над ё, излагая претенденту прямо в глаза, чего он от нее ждет

после приема пищи и почему она этого делать не будет. Действует безотказно, сама видела. Однако по инерции все равно ведут и кормят... наверное, думают, что когда девушка откушает, а особенно выпьет, то похорошеет. Эта мысль так меня веселит, что я фыркаю, потягиваюсь и вопросительно смотрю на Таньку, ожидая комментариев.

— Ну, сегодня не газ-квас. — Соседка небрежно кидает куртку на вешалку и морщит свой красивой формы небольшой носик. — Но все равно, отсидели по полной, раз уж я осчастливила это чучело и приперлась!

— Что за чел? — для порядка интересуюсь я.

— А! — машет рукой Танька. — Одноразовый, как пластиковый шприц! Можно было, конечно, как говорится, уколиться и забыться, но не с этим. Потому как ну полный ацтой! Сели, еще не пожрали, а это быдло детектед сразу взяло мне двести бабоукладчика... но ты ж меня знаешь... — Она аккуратно пристроила свои чумовые боты в угол и быстро и сноровисто переделась.

Да уж... Моя тетка — девушка крепкого здоровья. Она способна выпить не то что шампанское с коньяком, а денатурат со скипидаром, и пробовать свалить ее с ног с помощью алкоголя — работа зряшная... и прямой путь в черный список.

— Ну, в конце концов пришлось его послать. Вали в Ба-абруйск, животное! Употребила гуманитарную помощь и ушла. — Соседка машет рукой с устрашающими когтями. — Когда сваливала, сказала, что у меня собака, и попросила завернуть чего осталось, — хихикает она.

— Малыш, ну чем я хуже собаки? — я цитирую Карлсона и с треском раздираю коробку.

— Белка, ты хоть хлеба купила? — интересуется моя благодетельница.

Черт, про хлеб я, разумеется, забыла! Конечно, все это можно съесть и без того, но так хочется макать кусочки в подливку... Я сглатываю фонтанирующую из слюнных желез жидкость и смотрю виноватыми глазами.

— Кажись, девки еще не спят... — Танюха прислушивается к звукам, доносящимся от соседей. — Пойду выклянчу кусочек.

Без каблуков и боевой раскраски она сразу становится небольшого роста и домашнего вида. Когда она уходит, я машинально беру зеркало и с сомнением смотрю на свое лицо. У меня слишком усредненная внешность: ищущему неземной красоты или нестандартта не за что зацепиться. Глаза карие, волосы темные... сама себе я кажусь какой-то однотонной. Не то что Танька: к длинным локонам блондинки у нее прилагаются яркие зеленые глаза, а губы, которые можно было бы

оставить как есть, она щедро красит помадой всех цветов радуги. В ее арсенале есть даже черная. У меня же незатейливая короткая стрижка и ногти тоже короткие. Ненавижу этот писк моды — акриловые когти! Они омерзительно клацают по клавиатуре, и потом, свои собственные имеют неприятную особенность отрастать... и ты получаешься привязанной к этим штукам и должна ходить в салон наращивать их все снова и снова. Ловушка для дурачков, в которую хоть раз, да попадаешь.

Честно говоря, у меня еще и деньги кончаются как-то удивительно быстро. И если я не напишу эту проклятую курсовую и не сдам ее через неделю, у меня будут все шансы завалить сессию и я не получу стипендию — а это совсем плохо. Разумеется, мне присылают дензнаки из дома — иначе как бы я жила на одну стипендию? Однако каждый раз, получая перевод, мне кажется, будто я обкрадываю собственных родителей. Моя мать — учитель, а отец — инженер на шахте, которую вот-вот прикроют, потому как там слишком часто стали случаться аварии. И вместо того, чтобы подкопить на случай, если кому-то из них придется сидеть без работы или, еще того хуже... нет, не хочу даже думать о таком — тем более отец не часто спускается под землю. Да, конечно, они экономят на всем, чтобы присылать деньги мне. А

ведь дома еще и бабка старенькая... В прошлый раз, когда я приезжала на каникулы, она отдала мне свои «похоронные». С каждой пенсии бабуленция откладывала сотню-другую, потому что все они — старики — обеспокоены тем, что их не на что будет хоронить. Как будто, когда умираешь, тебе уже не все равно... Но, разумеется, я не стала говорить ей об этом. У нас в городе для студентов, наезжающих на каникулы, никакой работы нет, поэтому я безвылазно сидела в родной хрущевке, отъедалась и отсыпалась недели три, к великой радости бабани. А потом Танька вызвала меня обратно. Она нашла место официантки в кафе на пляже, и в этой забегаловке нужна была еще одна. На прощанье бабуля отдала мне свои сбережения и велела купить приличной одежды. Приличной — это значит теплой и длинной. Потому что когда я осчастливила всех своим приездом зимой, моя тощая задница то и дело вываливалась из джинсов, если я приседала или наклонялась подобрать с полу клубок. Бабаня только головой крутила — и заявила, что если я не потеряю штаны прямо на улице, то уж цистит заработаю точно. Она вообще слишком печется о моем здоровье и, пока я ошивалась дома, связала две пары теплых носков. Если бы она могла связать мне шубу, то, наверное, так и сделала. Однако она уже совсем старенькая, и носки — почти единственное, на что ее хватает. «Купи себе

пальто, — велела она. — И костюм. И теплые сапоги, если хватит. Я пока хорошо себя чувствую». Хорошо себя чувствую — это был сильный коммент! У нее давление и еще куча всяких болячек, о которых даже думать не хочется.

Не нужно было брать эти деньги, но я взяла. Однако не стала покупать тряпки — тратиться на них просто смешно. Обычно я год ношу одни и те же джинсы, и зимой, и летом. Только в теплое время мои штаны дополняют пара футболок, а в холода — такая же пара непритязательных свитеров. Честно говоря, мне плевать на моду. Мои убитые ботинки Танька презрительно называет «бациллами», а если нам бывает нужно куда-то выйти вдвоем, это неизменно повергает ее в печаль. Она говорит, что вполне себе симпатичная бейба не должна выглядеть как Катя Пушкарева, и начинает лихорадочно рыться в моих тряпках, пытаюсь выудить прикид, более соответствующий случаю, но, как правило, кроме нескольких потерянных фенечек ничего не находит. У нее самой роскошный гардероб, пополняющийся после каждого визита к перенсам. У Танюхи в столице мать с отчимом и отдельно живущий отец, в котором моя подружка старательно поддерживает комплекс вины: он ушел из дому, когда ей было лет десять, и с тех пор она выжимает из него все, что может. Хотя ее нельзя назвать слишком уж

циничной — она только продукт своего времени, впрочем, как и я сама.

Разумеется, вместо тряпок я купила себе ноутбук. Не слишком навороченный, но мне хватает. Танька просто выпала в осадок, когда увидела его у нас в комнате. До этого у нас стояли две старинные пэкашки: одну списали на кафедре очередного подружкиного бойфренда — за нее, Танька, разумеется, честно отработала, потому как железяка была весьма поюзанной с виду, но тянула еще будь здоров. На ней легко можно было мастерить и монтаж, и озвучку. Вторую, считавшуюся моей и совсем убитую, прежний хозяин просто поленился снести на помойку. Сей старинный артефакт, который сложно было использовать даже в качестве пишущей машинки, мы получили в наследство вместе с комнатой, на третьем курсе. Тогда же мы и стали жить вместе. До этого я обреталась в старом корпусе, в комнате на пять коек. Здесь же площадь была всего на двоих, да еще имелся общий санузел, рассчитанный только на нас с Татьяной и двух соседок. Короче, не жизнь, а сказка.

— На, — моя кормилица брякнула на стол половину батона. — Питайся. А то на тебя уже смотреть страшно... чисто глody кактусовая!

Я худая от природы. У меня тонкая кость, и поэтому когда в запале творчества я забываю

поесть несколько дней подряд, то становлюсь совсем тощей. К тому же природа не наградила меня ничем выдающимся ни спереди, ни сзади, не то что Татьяну — той отсыпали щедрой рукой. Все это, вкупе с замечательной общительностью, немало способствует тому, что Танюха везде нарасхват — на любой тусе она в числе самых заметных. Так же легко на ее прелести ловятся желающие поиметь молодую, красивую и наивную дурочку, под которую она косит в Сети. Они-то и водят ее в рестораны. Прежде чем раскрыть свое истинное лицо прагматичной и неглупой особи женского пола, она успевает поесть, потанцевать, а иногда даже раскрутить ухажера на такси. Некоторым из них Танька в обличье прожженной стервы так нравится, что они готовы пойти за ней на край света, но... На моей памяти она еще ни разу не сказала: знаешь, Белка, а вот это — мое... Может быть, она боится долговременных отношений, но скорее, к выбору партнера действительно нужно подходить серьезно. Хотя, если уж говорить начистоту, сама я почему-то не могу устраивать такие смотрины. Причина первая и основная: я люто ненавижу общепит, пустые терки и людей, от которых хочется сбежать не через полчаса, а сразу же. Поэтому бóльшую часть свободных вечеров я просиживаю дома. Ну и, конечно, во-вторых: учеба дается мне далеко не так легко, как соседке, —

Танька ваяет свои курсухи на одном дыхании, да и вообще не тратит много времени на занятия. Я же обычно переделываю все по многу раз... хотя добиваться совершенства в проходной работе — все равно что стрелять из пушки по комарам. Мои бессмертные опусы никто толком и читать-то не будет, да этого и не нужно... мировой кинематограф не собирается снимать по ним блокбастеры. Я учусь на сценарном, а моя соседка — будущий журналист-телевизионщик. Для непосвященных это звучит весьма престижно и завлекательно, а на самом деле мы, выпускники «кулька», осядем в какой-нибудь заштатной газетенке, да и то в лучшем случае. Хотя я и не на контракте, как Татьяна, а умудрилась поступить на одно из трех бюджетных мест потока, я не питаю относительно своей персоны никаких иллюзий. Стихи и рассказы — это, конечно, хорошо... и на фиг никому не нужно. А стряпать женские романы с обилием огромных фаллосов и крутых бедер, а также сценарии к мыльным операм... Конечно, можно морщить нос, как будто от этого занятия воняет помойкой, но на самом деле мы все только и мечтаем о таком шансе! О больших тиражах и нормальных деньгах, которые не заканчивались бы в первые три дня после получения. Однако попасть в обойму тех, кто лепит постельные и прочие страсти-мордасти, совсем непросто. Я уже раз

двадцать посылала свои бессмертные творения в редакции, начиная с центральных и заканчивая совсем захудалыми, и на всякие конкурсы, но пока мне нигде не обломилось ничего крупнее почетного третьего места и подписки на журнальчик, который помер недоношенным, не дожив и до полугода. И, хотя моя зачетка буквально пухнет от отличных оценок, максимум, что мне светит после получения диплома, — кропать сценарии утренников для детских садов своей шахтерской родины.

А теперь, ко всем своим недостаткам, я, кажется, еще и влюбилась. Именно поэтому я до сих пор таращусь в экран... хотя даже не видела героя своих грез живьем. Вполне возможно, за его обаятельными вихрами и живыми глазами прячется какой-нибудь выпендрожник-баунти... или такой же антистиллер, как и я сама. Впрочем, последнее меня пугает меньше всего. Хуже, если это просто клубень, переписывавшийся со мной по случаю затяжного гриппа, а теперь вернувшийся к своему обычному тусовочному образу жизни... да и вообще, наверное, пора бросить все это. Даже если этот чел реальнее всех живых, у меня нет шансов... со мной никогда не знакомятся на улице, от моделей у меня только рост и немереная худоба, а вот выглядеть и одеваться клубнично, как соседка, я не буду никогда. В мою пользу только то, что я умею общаться... к сожалению, почти всегда на

уровне компа. Когда кто-то разговаривает со мной, так сказать, вживую, меня клинит... я мямлю или несу ахинею, а потом грызу себя, что могла бы... могла бы... ну почему я такая?!

— Ну что, захомячила? Свет гасим?

Танька надела свою смешную пижаму с медведями и заплела косу, отчего сразу стала похожа на пятнадцатилетнюю девчушку. А я, оказывается, до сих пор сижу перед экраном и машинально доела все, что было в коробке. И хлеб схарчила тоже. И так задумалась, что не заметила, как вымакала подливу... и оливки проглотила... и не почувствовала вкуса! Конечно, нужно ложиться спать... Не знаю, как Таньке, но мне завтра на первую пару... хотя можно и не ходить. Наверное, я так и сделаю. Препод не троллит нас и не пишет докладные о прогульщиках в деканат. И нужно наконец сделать эту чертову курсовую — или хотя бы начать...

Линия 2

Вы ведь обожаете такие вещи. Обожаете, когда вам щекочут сердечко, хлебом вас не корми — дай почитать про многообещающие свидания и про мужчин — разумеется, неженатых и не вполне счастливых в личной жизни.

Анна Гавальда. *Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал*

— Ты куда?

— Не спится что-то... пойду валерьянки выпью...

Муж грузно поворачивается на другой бок, а я нашариваю тапки, тихонько прикрываю дверь и, стараясь не хлопать каблуками по лестнице, по-мышинному пробираюсь в кухню. На всякий случай я не включаю люстру — огромная стеклянная стена кухни полукругом выходит в сад, а оттуда свет легко можно заметить через такие же, сплошь стеклянные от пола до потолка, окна второго этажа. Идиотская планировка — помимо того что свет мешает спать, зимой у нас вечно холодно, а летом, если не включать на полную мощность систему кондеров, — нестерпимо жарко, словно в огромной оранжерее. Но мужу нравится —

современно, модно, красиво — и не так, как у всех. Конечно, это не он стоит у плиты в самое пекло!

С ночного неба на меня равнодушно взирает тусклый обломок луны. Толку от его присутствия никакого; я распахиваю дверцу микроволновки, при свете ее лампочки достаю из заранее оставленного здесь портфеля ноутбук и нетерпеливо втыкаю его в розетку. Мои руки дрожат. Я целый вечер притворялась такой, какой была последние десять лет нашего брака: уравновешенной, спокойной и рассудительной. То есть вполне неживой.

«привет, зайка. где ты была? уже вечность тебя жду»

Пальцы бегают по клавишам почти так же быстро, как произносятся слова:

«не могла вырваться»

«ты сейчас где?»

«дома»

«на кухне?»

«откуда ты знаешь?»

«я про тебя все знаю. тяжелый был день?»

«так себе»

«давай я тебя обниму»

Мои щеки вспыхивают, а губы расплываются в улыбке.

«ну обними», — разрешаю я.

Меня уже сто лет никто не обнимал. Не обнимал так, как я этого хочу. Оказывается, я еще

умею хотеть. Возможно, я даже мечтать не разучилась? Когда-то мы с Сашкой... А что мы с Сашкой? Сашка плюс Наташка равняется... Ничему это уже не равняется. Наши отношения скатились к нулю. Мы делаем вид, что у нас все путем, ходим вместе в гости, совершаем общепринятые ритуальные танцы: улыбки, проходы под ручку и синхронные демонстрации «а у нас с Наташкой до сих пор любовь». Однако на самом деле... Нашему браку недавно стукнуло двадцать. Это человек в двадцать молод и полон сил, а браки, они как домашние животные: редко какое дотягивает до такого преклонного возраста. И, как двадцатилетняя псина, наша личная жизнь не прыгает, не скачет и не бросается с визгом встречать хозяина с работы, а, отвернув морду в сторону, тихо лежит на своей подстилке. Все давным-давно превратилось в рутину. Поэтому, когда руки мужа касаются меня, я ничего не чувствую. То есть осязание у меня работает. Как и все остальные органы чувств. Но и только. Я ем, говорю, хожу, смотрю... слушаю музыку в машине и на работе — и даже иногда подпеваю... Болтаю по телефону, сплю... Я, по всей видимости, живая. Однако я не живу. Я просто существую. Функционирую. Как не новый, но вполне исправный механизм. Старый телевизор, например. С утра я отправляюсь на службу, потом

возвращаюсь домой и занимаюсь тем, чего все от меня ждут: готовлю еду, обсуждаю новости или просто валяюсь на диване, собирая пасьянс. Однако в последнее время я стала задумываться: что, собственно, происходит с людьми после двадцати лет брака? И не просто брака, а удачного брака! Когда твоя жизнь и твой муж, несмотря на выросший живот и поредевшие волосы на голове, — все еще предметы зависти подруг? У вас, что называется, все люксы: новый дом, две машины, маленький, но вполне процветающий бизнес и даже сын вроде не оболтус. И муж на пару секунд довольно нежно обнимает тебя после того, как вы только что занимались сексом. Именно сексом, а не любовью — потому что невозможно называть любовью ЭТО действие: безвкусные поцелуи и унылые двухминутные дежурные кульбиты под одеялом раз в неделю... или раз в две недели? Оказывается, я уже и не помню... но, в общем, где-то так. Нет, я вовсе не требую, чтобы Сашка устраивал мне кинематографические прелюдии с цветами, шампанским и лепестками роз на простынях, но... наша личная жизнь все сильнее и сильнее отдает суррогатом. Дешевыми блинчиками, которые, как утверждает реклама, нужно только разогреть. А мы даже и не разогреваемся... к чему? Он и так знает, что у него все получится, а я... Мне кажется, уже все равно —

потому что так же, как и эти грошовые кулинарные изделия, наши поцелуи и секс отдают дешевым эрзацем. У всего этого привкус бумаги и вываренного белья... Утешаться тем, что у других и этого нет? Слабый аргумент. У меня две близкие подруги — и обе не замужем. От них свои ночные отношения на сайте знакомств я скрываю даже тщательнее, чем от мужа. В самом деле, сказали бы они, какого рожна мне не хватает?!

«а теперь я тебя поцелую»

«нет»

«почему нет? ты не любишь целоваться?»

Обычно мои собеседники ограничивались двумя-тремя дежурными фразами и наш диалог быстро иссякал, но с Юрием я общаюсь уже неделю. Честно говоря, я влезла сюда лишь из любопытства... Или все же от гложущего дурацкого чувства, что в моей жизни что-то идет не так? Но я не думала докатиться до побегов из супружеской постели и ночных посиделок в кухне, чтобы неизвестно кто виртуально целовал меня... Почему неизвестно кто? Потому что пока мы ни разу не виделись вживую. И я не горю желанием это сделать. Подумав, я пишу:

«я люблю целоваться»

«я так и думал)))))) ты не похожа на холодную женщину»

Я вообще уже ни на что не похожа. Мне сорок пять. Несмотря на обилие модной и дорогой одежды, у меня морщины, складки на животе, бока как у коровы и закрашенная седина. Но на фотографии я вроде еще ничего... правда, это фото пятилетней давности. И ко мне вполне применим анекдот: возраст женщины можно определить по тому, в чем она больше нравится мужчинам: в туфлях, платье и очках или только в очках и туфлях... и свое платье я снимаю, отвернувшись от зеркала. Я пробовала сидеть на диетах, но ни одна на меня не действует. В лучшем случае я ничего не набираю, а в худшем... все равно вес потихоньку прибавляется, и при этом мне постоянно жестоко хочется жрать, плюс бесплатный бонус — плохое настроение. Я знаю, что и нынешняя ситуация выглядит совершенно по-дурацки: я сижу в халате и тапочках в темноте, спрятавшись за холодильником, и пишу глупости неизвестно кому, но... мне нравится это делать! Нравится, черт возьми! Я хочу писать все это и получать в ответ:

«я тихонько подхожу сзади и целую тебя в шейку»

Я вздрагиваю и воровато выглядываю из своего убежища. В доме по-прежнему тихо — наверху спит муж, а в самой дальней комнате — сын. Внезапно я задумываюсь над тем, что у моих незамужних подруг, которых я жалела именно по

причине неустроенной личной жизни, всегда были романы. В то время когда я спокойно мыла посуду, пекла пироги и пылесосила, они с горящими глазами бегали на свидания, плакали, смеялись... целовались на холодных скамейках в парках... пусть даже и в чужих замусоренных подъездах, словно малолетки! Ну а что же делала я? Влачила полусонное существование, которое гордо именовала «у меня все удалось»? И что, интересно, у меня особенного «удалось»? У меня лично? Дом в престижном поселке в пригороде? Так он принадлежит не мне, а мужу — и это действительно так, я лично не вложила в него ни копейки и ни на что не претендую. Это он заработал на участок и этот дурацкий современный особняк, вкалывая по шестнадцать часов в сутки в своей деревообрабатывающей мастерской наравне с нанятыми работягами, и даже больше. Потому что если бы мы продолжали жить на две чахлые бюджетные зарплаты, то до сих пор ютились бы в доставшейся нам от Сашкиных родителей, а тем — в подарок от Хрущева конуре, выстроенной еще в те доисторические времена, когда легендарный генсек сеял кукурузу от Москвы до самых до окраин и грозил штиблетом капиталистам.

Теперь мы тоже вроде капиталистов: у нас двухэтажный дом — это не считая огромного гаража и кучи подсобных помещений в цоколе, и у

каждого — по машине. Если честно, моя мне на фиг не нужна — я боялась ее водить, но Сашка настоял. Это же так шикарно — подарить своей жене машину... особенно новую. Зачем? А чтоб была! И пусть она большую часть времени стоит в гараже, потому что я все-таки опасаюсь перемещаться по городу в этой громоздкой и совсем не женской штуке и выезжаю в лучшем случае в ближайший магазин, а на работу добираюсь на маршрутке или же он сам меня подвозит, — однако факт наличия двух авто приятно греет Сашкино эго. Иногда мне кажется, что эти проклятые железяки, громоздящиеся в гараже, как два бегемота, он как раз и любит... они вполне успешно заменили ему меня. Ладно, с нашим материальным положением все ясно — это заслуга мужа. А вот сыном я действительно могу гордиться по праву — Сашке заниматься его воспитанием было некогда. Заколачивать деньги — непросто... но кто скажет, что легче вырастить нормального ребенка? Пусть даже и одного? Наше чадо не шляется, не колетса, и пока никто — тьфу, тьфу, тьфу! — от него не залетел. Учится на бюджете, что сейчас редкость...

«дай мне свои губы»

«нет!»

Я снова озираюсь и краснею так, что даже становится жарко. Я понимаю, что это — большей частью игра, но...

«(-)) ты меня боишься?»

«я никого не боюсь»

«тогда почему?»

У меня наворачиваются слезы. Я хочу сказать, что я старая, толстая и скоро перейду в разряд бабушек... но вместо этого пишу:

«я замужем»

Очень умно — отгородиться тем, что давно сквозит сплошными дырами!

«я понимаю. не бойся. я не из тех, кто разрушает. я просто буду рядом, хорошо?»

Вот теперь я плачу. Я не хочу плакать вот так — ночью, на кухне, когда нельзя даже включить свет и достать пузырек с валерьянкой из аптечки... потому что в темноте непременно что-то грохнется об пол... на нем сразу все бьется вдребезги, на нашем замечательном плиточном полу с подогревом. Сашка всю душу вложил в этот стеклянно-каменный дворец... а на меня у него уже ничего не осталось. Или же я сама в этом повинна? Но я знаю, что моей вины здесь нет... я старалась... соответствовала... терпела... подавляла в себе все инстинкты... не позволяла даже невинного флирта... да, наверное, все-таки это я во всем виновата! Если б я хоть раз реализовала упущенные когда-то возможности, то сейчас у меня был бы иммунитет. И к реальным, и к виртуальным поцелуям. Но я, дура, гордилась такой правильной

и чистой собой... и чем это закончилось? Я старалась быть во всем и всегда идеалом, а оказалась у разбитого корыта. Развалившегося оттого, что я слишком много времени уделяла семье... готовила... убирала... Вылизывала каждый уголок... воспитывала ребенка сама, не доверяя бабушкам, няням и всяким малограмотным воспитательницам. И, вместо того чтобы, как подруги, уделять больше внимания своей личной жизни и внешности, я играла с сыном в развивающие игры, а потом проходила с ним заново почти всю школьную программу. И я ни о чем не жалею... или же все-таки жалею?

Я знаю, что завтра утром у меня будут заплавленные глаза, омерзительные мешки под ними и набрякшие веки... но мне уже все равно... все равно! И я плачу... реву отчаянно... слезы капают на халат и в вырез, где под ночной рубашкой находится все, что уже не соблазняет мужа, когда мы занимаемся любовью... нет — какой там любовью! Просто спариваемся, как животные... или, как говорит моя подруга, проводим постельный тренинг для здоровья — и в темноте. Конечно, зачем ему нужна моя грудь — она уже изрядно провисла; или трехъярусный живот, которого я стесняюсь даже в собственном саду и стараюсь прикрыть футболкой. Они не могут конкурировать с блестящей «тойотой», которую он

так любовно оглаживает тряпочкой, что даже смотреть не хочется! Мне кажется, если бы еда и чистые рубашки появлялись в нашем доме каким-то волшебным образом, никто бы и не заметил моего отсутствия... я им не нужна... ни Сашке, ни даже сыну... давно не нужна...

Мои слезы из сладких, любовных давно стали горькими... ядовитыми... они словно прожигают дорожки на коже. Я судорожно запахиваю ворот и уже откровенно рыдаю... не заботясь о том, чтобы никого не разбудить. И мне плевать, что сцена появившемуся зрителю покажется очень странной: почему я так горестно плачу здесь, в углу, ночью, с ноутбуком, на темной кухне? Но никто не приходит, никто не задает никаких вопросов. Никто не утешает. А я действительно нуждаюсь в утешении! У меня такое чувство, что только помани... только пообещай мне настоящее, и я сорвусь. Я могла бы выйти из дому, поймать машину и поехать... или даже пойти пешком к этому самому Юре... и пусть бы все случилось прямо сейчас! Однако он, скорее всего, врет, что одинок. Он сам сидит с компом на кухне, а за панельной перегородкой спит жена. Такая же точно, как я. Или даже хуже. Толстая баба с небритыми подмышками и отвисшими щеками, постаревшая раньше времени от базаров, абортот, стирок и огородов, которые все почему-то гордо

именуют дачами... Она храпит, как уработавшаяся за день коняга, а он сидит и пишет... «давай я тебя обниму»! И, скорее всего, я у него не одна такая дурища... Я утираюсь поднятым с пола и давным-давно завалившимся в этот угол кухонным полотенцем, отвратительно пахнущим прогорклым маслом, и, мысленно схватив себя, идиотку, за шиворот, выхожу из Сети. Я не прощаюсь. Мне так больно, что я даю себе слово — завтра меня здесь не будет.

Завтра наступило. Оно было точным повторением вчера — за исключением лишь того, что я не плакала. И, когда прощалась, написала «целую».

Линия 1

«привет. это я»

Я тяну лыбу до самых ушей... я даже чувствую, как уголки губ встречаются у меня на затылке. Кто сказал, что понедельник — день тяжелый? У меня выдалась такая неделка, что мама не горюй! А теперь, когда я уже немного успокоилась, ты вдруг нашелся! В ответ на несколько робких улыбок ")))» я набираю не попадающими в клавиши пальцами этот волшебный пароль:

«привет. это я».

Хорошо, что в этот момент ты меня не видишь...

«ты улыбаешься?»

Еще как улыбаюсь!!! Мне хочется орать, выть, визжать, прыгать по комнате, целоваться с Танькой... слава богу, ее нет, а то моя соседка подумала бы, что у меня напрочь снесло шифер!

«ты не сердишься?»

Конечно, я сержусь. Разумеется! Всю неделю меня так корежило... Было все — от ярости, когда хотелось рвать подушку зубами, до тихо-дебильного, безразличного ко всему пофигизма. Но в данный момент я улыбаюсь блаженной улыбкой — так, наверное, улыбаются ангелы в небе, видя, как внизу их подопечный ребенок послушно доедает кашу. Вообще со мной сейчас творится что-то непонятное — кажется, ко всему прочему я еще и расплачусь прямо здесь, сейчас... перед сияющим молочным светом экраном... Пока я сижу в своей блаженной прострации, появляется еще несколько фраз:

«уезжал»

«там не было сети»

«почему ты молчишь?»

Разве существует сейчас место на Земле, где нет Сети? Но я молчу не оттого, что не знаю, как ответить... А потому, что мне хочется спросить

тебя обо всем сразу... но я никогда так не делаю... может быть, просто не умею?

«тебе со мной неинтересно?»

«нет»

Такой ответ вдруг перестает меня устраивать, ведь ты можешь истолковать его, как заблагорассудится, поэтому я быстро спрашиваю:

«что ты любишь в жизни больше всего?»

Я понимаю, что это банальность, но, по-видимому, это как-то цепляет тебя, потому что ты довольно долго думаешь, а потом выдаешь огромный список... Я читаю, и меня распирает всю, наполняет каким-то веселящим газом, и я становлюсь как воздушный шар, которому пора в небо. Воздушный шар, наполненный теплом... какой-нибудь исполинский медведь-панда или корзина цветов — я просто ощущаю себя громадой, рвущейся с поводка. Я видела такие шары как-то по телику. Там были даже шары в виде автомобилей или огромных банок колы... но я уж точно не банка с колой — какая пошлость! — нет, я все-таки панда... Наверное, потому что я всегда такая — черно-белая: незагорелая кожа, черные очки на бледном, совсем без косметики лице, а когда я снимаю очки, под ними такие же зеркально-черные глаза... и темные волосы... и черный свитер... Я перестаю таращиться на себя в ночное окно, и мой взгляд упирается в середину списка: «...читать

книги...» Странно: кто в наше время любит читать книги, кроме меня и?..

«какие книги?» — нетерпеливо спрашиваю я.

«любимые. я их перечитываю по многу раз»

Ну, это правильное решение. Я сама перечитываю свои любимые, старые бумажные книжки постоянно... жаль, что таскать их с собой с места на место так тяжело... когда появятся лишние пенензы, я куплю читалку... это так приятно — носить в рюкзаке всю районную библиотеку... весь мудрый мир, надежно упакованный в системе один-ноль, как доходчиво объяснил мне когда-то знакомый программист.

«а сегодня что читал?»

«Маркеса. «Сто лет одиночества»»

Этого не может быть!.. Я скашиваю глаза на старенького темно-синего Маркеса, книгу, которая принадлежала еще родителям, прежде чем стала моей. Я тоже сегодня ее читала... я всегда хватаюсь за нее, как за спасательный круг, когда мне плохо... или слишком хорошо. Поэтому я знаю ее почти наизусть.

«а что ты делал там, где нет сети?»

«бабушку друга хоронил. это далеко, и надо было помочь»

Так... все понятно... напрасно я задала этот вопрос. Мне немного стыдно... и что говорят в таких случаях?

«мне очень жаль □((((и твоего друга, и его бабушку»

«знаешь, хоть и не родной человек, но...((((тоже очень жаль(((("

Я тут же вспоминаю о собственной бабуленции, которая уже наверняка дома чего-нибудь сварганила для меня — не носки, так свитер. Она иногда вяжет свитера... только это долгий процесс. И свитер получается такой теплый и толстый, словно выкроен из одеяла. Бабка ужасно гордится получившимся результатом, хотя свитер весит как средневековая кольчуга и рукава у него плохо гнутся. Она так радуется, когда я примеряю эту жуткую штукювину, и язык не поворачивается сказать, что его нельзя будет надеть ни под одну куртку. У меня имеется уже два таких артефакта — в них можно спать прямо на снегу даже на Северном полюсе. Я держу их в шкафу, на радость моли, но никогда не надеваю — некуда, да и незачем... Общага наша хоть и не старая, как та, в которой я жила прежде и где были огромные чугунные батареи, на которых можно было сушить разом пятьдесят пар труселей, но тоже вполне теплая. По крайней мере мы с Танькой не зябнем — зимой даже форточку открываем иногда. В институте тоже никогда не бывает холодно — или это я сама не склонна мерзнуть? Я на минуту

задумываюсь над особенностями собственного организма, когда меня настигает вопрос:

«ты учишься?»

В данный момент я явно бездельничаю. Курсовуху с горем пополам я из себя выдавила и даже получила зачет — наверное, исключительно благодаря прошлым заслугам... а может, препод меня пожалел. Сюжет был так себе, вымученный, диалоги никакущие, но развязка... да, развязка мне определенно удалась! Я удовлетворенно хмыкаю — и мою голову иногда посещают счастливые мысли. Так что, пожалуй, свой зачет, а с ним вместе и стипендию, я заслужила. Экзаменов я не боюсь... Теперь я уже ничего не боюсь! Я снова улыбаюсь... я свечусь, как лампочка, как рождественская свеча и огонь святого Эльма разом, все время, пока стучу по клавише и отвечаю на твои вопросы... и задаю свои... такие же немудрящие, но очень важные... потому что тоже хочу знать о тебе ВСЕ.

Линия 3

В ковчег не допускают одиночек, И мы с тобою в гости к десяти Приходим с тортиком. Нас некому спасти.

Вера Полозкова

— Ради бога, Зоя, ты же взрослая девочка... сама должна понимать! Кто сейчас регистрируется на всех этих сайтах знакомств?

Разумеется, я взрослая девочка — мне уже сороковник, как и моей закадычной подруге Юльке, с которой мы еще в школе сидели за одной партой — а теперь гребем в одной лодке под названием Одиночество. Этот утлый челн настолько переполнен такими же дурами, как мы с Юлькой, что вот-вот пойдет ко дну. Однако он покамест держится... и его даже иногда прибывает к берегу — впрочем, не всегда гостеприимному. А что бы вы хотели в таком возрасте? И с таким образованием? Наверное, мы слишком умные... или многого хотим от этой жизни, где на сайтах знакомств сплошь и рядом под личинами холостых, жаждущих обрести свою вторую половину как бы мужчин и даже местами как бы симпатичных зарегистрированы различного рода опилки общества. Самый распространенный из этого разношерстного сброда

тип — жаждущие немудрящих половых приключений от давным-давно опостылевшей половины. Эти, незамысловатые, как пластиковые тапки, хотя бы не слишком шифруются и на вопрос «Состоите в браке?» отвечают честно: «Пока да» или «Кому это мешает?» С такими проще. С ними можно прошвырнуться на чью-нибудь заброшенную дачку или сходить потусоваться в не слишком людное и дорогое, но приятное место. И они закажут по мороженому и по сто коньячку и не станут трахать твой килограмм серого вещества, надежно скрытый под тщательно покрашенными перед свиданием волосами, уже увядающей кожей лица с расширенными порами и ранними морщинками, также скрупулезно заштукатуренными и запудренными, — а ограничатся вполне традиционным сексом. Впрочем, этим лысеющим альфа-самцам с шестимесячными пивными животиками и избытком тестостерона, который просто распирает штаны, не до твоих волос, глаз, ресниц, свежевывипанных бровей и гладко выбритых ног. И тем более не до твоего расширенного высшим образованием интеллекта. Они сразу же начинают лапать тебя, еще там, в кафе. Их привлекает только одно... то, что давно не прельщает в собственной жене, которую все они без исключений высокопарно именуют «супругой».

Впрочем, и ты сама перестаешь быть интересной и загадочной после двух-трех свиданий: редко кого из них хватает на длительную связь — скажем, на год. У меня был один такой... и я даже надеялась, что он уйдет от своей похожей на плотно набитый опилками мешок, к которому приставлены рояльные ножки, супружницы ко мне: ухоженной, с немного заплывшей, но пока существующей талией. Однако он меня, что называется, поматросил и бросил... наверное, потому, что я все-таки неисправимая романтическая дура, ждущая от жизни неизвестно чего. Вот Юлька намного практичнее... хотя и с ней время от времени происходит то же. Однако она, в отличие от меня, похоже, не питает никаких иллюзий относительно того, что называется «личная жизнь». Да и есть ли она, эта самая личная жизнь, после сорока или это лишь досужие выдумки писак в бабских журналах?

— ...сама знаешь, там только одни сексуально озабоченные придурки со словесным недержанием — они же импотенты, извращенцы, маньяки, уроды, не умеющие даже дезодорантом пользоваться, и ни одного порядочного человека! — бурно заканчивает свой эмоциональный спич подруга. — Да и откуда они там возьмутся, нормальные?! — спрашивает она несколько громче, чем приличествует в

общественном месте, и на нас начинают коситься от соседних столиков.

Юлька презрительно фыркает, достает сигареты и картинно закуривает от мелодично щелкнувшей фирменной «зиппо» — мадам обожает внешние эффекты. Я отношусь к категории как бы некурящих, но после вина меня также тянет к пачке. Подруга небрежно вышибает мне сигарету, и я с наслаждением втягиваю ментоловый дым.

— Мне замуж — на фиг нужно... чтоб храпело какое-то чучело под боком и свои вонючие носки под кровать швыряло! — Она никак не может успокоиться после давнего, но обидного облома.

С этим типом они разбежались несколько лет назад, но хватает вскользь брошенного намека, чтобы Юлька озверела. Сегодня же, безо всяких намеков, мы столкнулись с ним нос к носу — он сопровождал весьма симпатичную щебечущую дамочку лет тридцати.

— Мне для здоровья надо, сама понимаешь... и чтобы не думать каждый раз, подхватчу я что-нибудь от любовника или пронесет. Так что мне женатые как раз подходят... но чтобы ко мне, извините, жрать приходиться? А потом спать до обеда? На фиг, на фиг... — Юлька воинственно машет сигаретой, и дым над ее головой свивается в некие письмена.

«Мене, текел, фарес» — «отсчитано, взвешено...» и так далее. Я знаю, что все это про нас. Это именно нам написано на роду, отмерено некоей субстанцией... мы попали в процентовку, в отсев, который неизбежно есть в любом деле... Мы с Юлькой неликвиды.

— Можно, конечно, попробовать на международный уровень выйти, — рассуждает она, небрежно помахивая бокалом красного в опасной близости от своего новенького пальто, — но...

— Я — пас, — быстро вставляю я.

— Но чем иностранный придурок лучше нашего? — резонно вопрошает она, развивая мысль дальше. — Только тем, Зоенька, что он сможет тебя обругать, а ты ни фиги не поймешь!

Мы — дамы интеллигентные: Юлька аудитор, а я бухгалтер. Хотя сейчас бухгалтеров развелось как собак нерезаных, но мы освоили эту профессию, когда на нее был еще бешеный спрос. Кроме того, я бухгалтер с большим опытом... а данное мне строгое воспитание пока даже кое-где отсвечивает, несмотря на все превратности судьбы. Однако когда мы с Юлькой выбираемся по пятницам в какую-нибудь кафешку оттянуться и обсудить наболевшее, среда обитания берет свое: мы выражаемся свойственным окружающей нас субкультуре слогом, а не высокопарными оборотами, которые хороши только в Сети, чтобы

производить впечатление на особой противоположного пола... да и там они не всегда бывают к месту.

— Тут я всегда к тебе могу свалить, если что, а в этой Финляндии-х...ляндии, к примеру, куда я пойду? В приют для бездомных морских свинок?

Да, конечно. В течение краткого Юлькиного замужества, случившегося лет десять назад, она раз в месяц неизменно прибегала ко мне, тяжело переваливая через порог огромные чемоданы, доверху набитые тряпками, косметикой, бытовыми приборами, лекарствами и даже любимыми чашками и пепельницами. То есть всякий раз она давала мужу понять, что покидает его навсегда. Чтобы он испугался и заценил то, что может так легко и глупо потерять. Но, наверное, уже тогда на нашу с ней долю остались лишь маньяки и бесчувственные придурки... и от своего она таки ушла насовсем года через полтора, не выдержав счастливой семейной жизни... а я вот даже и не попробовала.

— Я тут в инете одну историйку нарыла... ну жуть жуткая просто! Некая девица-молодица счастливо отчалила, и не куда-нибудь, а прямо в Шотландию, она же Большая Британия, верно я говорю? Кажись, ну чего еще хотеть? Тут тебе и Европа, и развитой капитализм, и даже вид из окна не на Москалевку! Тем более мужик был непьющий

и даже, по-моему, некурящий... но жмот при этом патологический. Ну, поэтому и непьющий-некурящий! — сделала логический вывод Юляха — аудит в ее жизни везде проходит красной ниткой.

— Да, так, значит, мани он ей на руки не давал, все расходы проверял похлеще, чем мы с тобой годовой отчет... цеплялся ко всякой мелочевке: типа зачем тебе каждый месяц прокладки или к чему эти ненужные расходы на жвачку?.. Ее ж глотать нельзя! Да, и жрали они там одну дешевку из фастфуда... но даже не это главное. Климат ее просто задолбал. Постоянные дожди, сырость, холод, руки-ноги ледяные, из носа течет... — Юлька, для полноты картины, выразительно шмыгает. — А этот скопидом температуру в доме держал все время не выше четырнадцати градусов... При этом на улице почти круглый год — пять гребаных цельсиев — ветер, дождь... домой придешь — и там тоже как в подворотне! Она, бедняга, никак не могла согреться, даже в постели с этим... этим...

— Мудаком, — подсказываю я.

— Точно! — Юлька с размаху ставит бокал на стол и, вчувствовавшись в собственное повествование, ежится и запахивает пальто.

Пальто роскошное: белое, кашемировое — стиль и качество, как говорится, налицо. Аудит —

тонкая штука, мне до него никогда не вырасти. У подруги замечательные мозги, и ее услуги оплачиваются соответственно. Она давно купила себе квартиру, утверждая, что личной жизни в одной норе с предками не может быть в принципе.

— Короче, ей пришлось в посольство идти, чтобы обратно попасть. У нее денег не то что на самолет — на автобусный билет в соседний супермаркет не было... а мы тут мечтаем... о кренделях небесных... — Юля поджимает ноги в фиолетовых сапогах под столик и смотрит вдаль дивными очами глубокого фиалкового цвета. Тонированные линзы — недавнее ее увлечение. Она подбирает глаза к гардеробу, как некоторые подбирают шарфики.

Бабье лето в этом году, наверное, уже пятое по счету. Природа, отправив все дожди, туманы, а до кучи и слякоть с моросью в тот самый далекий Альбион, где так мучилась незадачливая жертва Гименя, одарила нас приветливой и солнечной осенью. И поэтому мы сидим за столиком прямо на улице, потягиваем винишко, лениво качаем ножкой и смотрим, как стекает вниз, к центру, нескончаемая вереница машин... Наверное, это улица с односторонним движением, — догадываюсь я. Авто едут только вниз, и никто — против течения. Река красных огоньков... Желтые листья планируют на полосатую маркизу,

бесшумно соскальзывают нам под ноги... Их утягивает ветром туда же, куда и машины, — вниз по улочке. Люди едут: кто домой, кто — на дачу... грядут выходные — суббота и воскресенье... терпеть не могу выходные. Потому что у меня нет ни дачи, ни того, с кем бы я сейчас ехала куда-нибудь — все равно куда... Да и дома, в который хотелось бы возвращаться, по большому счету, тоже нет: в одной комнате родители, а через стенку — я... стареющая, сорокалетняя... которая тоже скоро начнет ставить себе клизмы от запоров, пытая стричь пористые картонные ногти на ногах и долго и мучительно откашливаться по утрам.

Линия 4

Чеширский Кот: Серьезное отношение к чему бы то ни было в этом мире является роковой ошибкой.

Алиса: А жизнь — это серьезно?

*Чеширский Кот: О да, жизнь — это серьезно!
Но не очень...*

Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес

— Господи, Сережа, она же не понимает, что все это не игрушки, а взаправду!

Меня буквально колотит, а муж смотрит так странно — будто лицезрит меня впервые в жизни! Понимаю, вид у меня еще тот: встрепанная шевелюра, заплаканные глаза, на колготках расползлась огромная дырища — не помню даже, где и зацепилась... Наверное, когда влетала в двери этой проклятой клиники. Я помчалась на другой конец города сразу, как только Маргошка мне позвонила и... сообщила о том, что беременна! И не просто беременна — это было бы еще полбеды, но беременна уже двадцать четыре недели. Черт, двадцать четыре недели! Если разделить на четыре... это что ж получается?! Шесть месяцев... полгода... А он стоит и просто смотрит!

— Лара, я все понимаю... — муж тяжело вздохнул и сел. — Давай думать будем...

— Сережа, что тут думать?! И когда? Времени уже совсем нет!

Дочь заперлась у себя в комнате и сидит тихо как мышь... дрянь, дрянь! Проститутка!

— Ну почему же времени нет... я так понимаю, у нас впереди еще целых три месяца...

— Ты о чем? — Я с размаху плюхаюсь на табуретку — ноги меня давно не держат, но сесть я догадываюсь только сейчас. Как говорится — жизнь бьет ключом! И все по голове!

— Ребенок ведь уже никуда не денется, так? Он уже существует. Поэтому давай смотреть на все конструктивно...

Он говорил и говорил, как заведенный... приводил какие-то экономические резоны, рассуждал о человеколюбии и о том, что всем свойственно делать ошибки, особенно молодым и неопытным девушкам... Он болтал и болтал, будто вещал с кафедры перед своими студентами, а мне хотелось выть... и не просто выть, а свалиться кулем на пол и колотить руками и ногами, сметая все вокруг... и орать... и плакать... и кричать о том, как меня достали... все!.. Муж... который только и умеет, что рассуждать своим хорошо поставленным и нарочито вежливым голосом, и дочь, ради которой я недосыпала... работала урывками где попало... не сделала карьеры — потому что таскалась по больницам и санаториям — у детки были то сыпь, то аллергия, то цистит, то холецистит... А теперь на мою голову свалилось еще и это! Но я сильная баба. Я сцепила зубы и не впала в истерику, не грохнула об пол все эти недопитые чашки со вчерашней заваркой, грязные сковородки и тарелки с присохшей яичницей, которые в моей замечательной семье мою только я... несмотря на то, что работаю точно так же, как разглагольствующий напротив субъект... почему, спрашивается, этого не делает Маргошка?!

Пятнадцатилетняя дрянь, которая таскается неизвестно где и с кем и боится испортить не репутацию, а свой маникюр!

Я изо всех сил сжала челюсти... у меня уже такие накаченные лицевые мышцы, что зубы сжимаются, как у гиены. Мне так часто приходится тренировать их, что, наверное, я могу перекусывать железные прутья. И все — благодаря им. Моим родным и близким. Из-за наличия которых в неполные сорок вдруг начинаешь задумываться: а такая ли заманчивая штука — замужество? Если бы я не поторопилась, не выскочила сразу после института, то сейчас могла уже сделать карьеру — у меня ведь были прекрасные задатки! И я не сидела бы на жалкой должности художественного редактора в журнальчике десятого разбора, каких сегодня расплодилось, как планктона в луже. К тому же редактором я только числюсь, а на самом деле я попросту за все про все: и верстальщик, и дизайнер, и даже курьера при случае заменить могу! Если бы в моей башке было поменьше вдолбленных с малолетства стереотипов, например что «девушка должна непременно выйти замуж», то я могла бы даже заняться бизнесом... или вести образ жизни вольных стрелков, как некоторые из моих худпромовских однокашников... Словом, я могла бы жить — не тужить в свое удовольствие!

Во всяком случае беременной пятнадцатилетней дочери у меня точно бы не было...

— Вот, выпей...

Мой благоверный заботливо совал мне под нос какую-то вонючую дрянь... и вот тут я уже не выдержала. Я ударила его по руке, вымещая весь проклятый сегодняшний день, всю мою неудавшуюся жизнь: мямлю-мужа, который лет двадцать кряду пишет диссертацию, тема коей устаревает быстрее, чем он успевает ее раскрыть... никчемную работу... отросшие волосы, которые всегда некогда покрасить вовремя, и ходишь, как старая бабка, светя рано поседевшей макушкой и утешаясь призрачной иллюзией, что это не очень заметно... лишние кэгэ, почему-то выпирающие именно тогда, когда едешь в отпуск и покупаешь новый купальник... в котором на пляже чувствуешь себя полной дурой — потому что у тебя уже нет фигуры — той самой, какая была до родов... пока я не произвела на свет свою кровиночку... идиотку, забеременевшую в пятнадцать лет! И муж, конечно же, делает вид, что нежно мажет тебе спинку кремом для загара, а сам, пользуясь тем, что ты лежишь, уткнувшись носом в грязный, полный окурков и пивных пробок песок, исподтишка рассматривает соседок справа и слева... молодых, ленивых, не обремененных никакими отношениями, а заодно талантами и интеллектом,

но зато с втянутыми подмышками и поджарыми ляжками, идеально загорелых, без белых полосок в складках живота и нависающих над ляжками лифчика валиков жира... да они и лифчиков часто-густо не надевают!.. Зачем? Грудки у них стоят торчком, они не стремятся родить сразу после замужества, да и замуж выходят только в крайнем случае... по залету... такому, как у моей доченьки — подумать только — двадцать четыре недели! Но кто возьмет ее замуж в пятнадцать лет?! Отправить бы ее к этим — они быстро вправили бы ей мозги, рассказали, что свободной быть интересней и выгодней... А муж все пялится на этих поблядушек, которые, конечно, замечают его похотливый взгляд, — но им он неинтересен... Черт побери, если он будет и дальше продолжать так по-свински вести себя по отношению ко мне, то...

Я вдруг поймала себя на мысли, что не знаю, зачем мы живем вместе, спим в одной постели, разговариваем на какие-то затхлые темы... сто лет мы не обсуждали ничего по-настоящему важного и интересного! Мы живем по инерции... катимся куда-то... не в пропасть, нет... просто в тупик. Да, именно в тупик! А теперь еще, для полноты картины наступившей семейной разрухи, наша дочь родит младенца... но мы, конечно, будем делать вид, что счастливы этим событием, — а соседи

будут исподтишка тыкать в нас пальцами. Она же повозится немного, как с новой игрушкой, и вернется к прежней жизни: подружки, дискотеки, гульки до утра... запах сигарет от волос... невинные глаза: «что ты, мама, я не курила!» Да лучше бы она курила! Подумаешь — курила! Это со сколько же лет она трахалась со всеми этими прыщавыми юнцами, чтобы в пятнадцать оказаться беременной?!

Рюмка полетела в сторону, жидкость выплеснулась на стены вместе с волной тошнотворного запаха... откуда у нас в доме это взялось?! Окаянная посуда не разбилась, а с дребезжанием покатила в сторону... и я долбанула по ней каблуком... но этому стеклу было пополам... всем все было пополам... Сереге... Маргошке... Почему, почему я одна всегда должна выгребать за всеми дерьмо?!?! Готовить, а потом мыть посуду после унылых пьянок, которые почему-то называются семейными праздниками, сочинять, как выкрутиться на две нищенские зарплаты, бегать по распродажам, украдкой, под презрительными взглядами продавщиц класть в тележку уцененные фрукты, приклеивать на место оторвавшийся кусок линолеума, на котором уже не видно рисунка, зато протоптаны дорожки — наши семейные тропы: диван-телевизор-холодильник... А теперь еще на меня свалится ЭТО — внук,

который вполне мог бы быть моим сыном. Мне он не нужен, этот ребенок... и моему мужу не нужен... ему вообще все пофиг, кроме воскресных рыбалок, сидения в углу у своего компа и чтобы его не трогали... и это всех устраивает, даже меня. Даже меня! Потому что я устала, устала, устала от всего! Я внезапно успокоилась. Даже если моя дебилка-доченька считает, что должна родить этот плод своих походов, она несовершеннолетняя. И решать за нее буду я.

Линия 2

«радость моя, ты где?»

В семье уже привыкли к моей «упорной бессоннице». Я, сделав безрадостный вид, даже посетила врача и купила снотворное. Потому что Сашка таки вышел как-то среди ночи на кухню и застал меня с ноутбуком. Хорошо, что к тому времени я перестала подозрительно забиваться за холодильник и вполне пристойно сидела за столом. Я успела закрыть окно со своим виртуальным романом, и на экране повис недоразложенный пасьянс. Сердце мое колотилось, но прерывистый вздох получился вполне натуральным:

— Вторую ночь не могу уснуть...

Может, если бы он обнял меня, согрел своим теплом, сказал мне на ухо все те слова, которые я

украдкой, словно воровка, читала с экрана, я никогда не решилась бы пойти дальше... Но ему было все равно. Что ему до меня! Даже здесь он появился не потому, что меня не было рядом, просто его мучила жажда. Муж равнодушно мазнул по мне взглядом, зевнул, набулькал из бутылки минералки и, только выпив ее, спохватился:

— Наташ, может, этого... как его... персена? Ну, помнишь, тебе прописывали?..

— Пила уже...

Врать надо умеючи. Захоти он дать мне таблетки, то пришлось бы объяснять, что я их сто лет не видела... и не знаю, есть ли они вообще у нас в доме. Но он больше ничего не спросил. Он устал за день, и ему хотелось спать. Однако мой Сашка привык, чтобы его имущество было под боком... поэтому все не уходил, топтался рядом и ждал, что я пойду с ним наверх. Может, зря я обижаюсь на мужа? Вообще, он у меня заботливый... но слишком спокойный. Медлительный. Рассудительный. Немногословный. И... неласковый. То есть он вполне ласков со мной в постели, но... Все происходит молча. А мне, оказывается, нужно, чтобы мне говорили: какая я замечательная... что у меня хорошая фигура, нежная кожа, красивые руки, стройные ноги... Чтобы мне на ухо шептали все те словечки, которые мой муж считает ужасной пошлостью: зайка,

птичка-синичка, кошечка... Скажи он мне хотя бы раз в жизни: «солнышко мое», быть может... Однако для него это — неисполнимо. Запредельно. Нереально. Сашка никогда такого не говорит. Не умеет. Когда-то мне это даже нравилось. Или я считала, что это — его достоинство, потому что в то время видела в нем одни лишь совершенства? Потом я привыкла и не требовала большего, чем он мог дать. И только теперь это почему-то стало мне необходимо, как воздух.

Линия 5

*А двое не спят, двое сидят у любви на игле.
«Сплин». Двое не спят*

«привет, моя радость»

«и тебе не хворать, добрый человек»

«ты еще не спишь?»

«а ты сам как думаешь?»

«а я вообще не думаю. я просто радуюсь тебе»

«да уж. радость редко идет рука об руку с логикой»

«ты так считаешь?»

«а ты никогда ничего не считаешь? не подсчитываешь? и не любишь расчетливых? не бойся, я ничего у тебя не попрошу»

«проси что хочешь!»

«а что ты готов мне отдать?»

«счета для счета — если ты действительно умеешь считать. знаешь, у меня есть такие, антикварные, с деревянными костяшками. даже если ты не умеешь ими пользоваться, на них очень удобно кататься с горки. или на стену повесишь. сейчас модно вешать дома всякую хрень. короче, бери по ходу, пока я щедрый!»

"))))»

«ну вот, ты мне и улыбнулась. как день? все нормально?»

«тебе действительно это любопытно? и что тебе Гекуба?»

Мне интересна эта женщина, которая сидит сейчас перед экраном где-то далеко. Я чувствую, что она неординарна. На мои стандартные, нарочито банальные фразы она отвечает как-то очень по-своему — жестко, хлестко и совсем не по-женски. Безо всякой рисовки и позы. И с каждым днем, вернее вечером, мне это нравится все больше и больше. Но мне, разумеется, совершенно наплевать, как прошел у нее день. И что она делала там, на своей работе: лечила, заполняла накладные, продавала колбасу или что еще. Потому что в это время она, моя нестандартная ночная визитерша, была не со мной. Не думала обо мне, не смотрела со смутной улыбкой, как проявляются строчки на

прямоугольнике экрана, а деловито мерила температуру или стучала по клавишам калькулятора, или несла морковку с рынка, вспоминая по дороге, правильно ли ей дали сдачу и не обвесили ли ее...

«конечно, мне все о тебе интересно», — заверяю я и хмыкаю.

Я-то знаю, как много значения они придают словам... ну что ж, это у них в крови. Им, наследницам Евы, всем без исключения нужны постоянные уверения в том, какие они прекрасные... поглаживания по шерстке. Шоколадкой их не корми, только скажи ласковое слово! Тогда они сразу становятся как шелковые. Все: старые и молодые, красавицы и уродины, покладистые и неуступчивые. Даже такие ершистые, как моя ночная визави. Как говорится, ласковое слово и кошке приятно...

Я снова хмыкаю и кручу головой, прикидывая — а не пора ли завершить сегодняшнюю словесную дуэль и отправиться спать? Вежливо дать понять, что на сегодня я сказал ей все? Если честно, я устал... тяжелый был день, да и вечер не лучше. Однако именно ЭТА женщина все больше интригует меня... Наверняка за ее нарочитой ершистостью таятся чистое выражение глаз и еще не растроченная свежесть. И нежность, о которой, возможно, она и сама не подозревает. Когда

временами мне удастся пробить эту скорлупу, в которую она сама себя заточила, она отвечает на мои вопросы прямо, чуть по-детски, безо всех этих псевдогламурных выкрутасов, от которых у меня просто зубы сводит: «весь день бегала по бутикам, искала шубу, но меня ничего не устроило — везде та-а-акой китч»... или «сегодня так устала, включила Шуберта и плакала... плакала... и хотела, чтобы мне нежно вытерли слезки...» Слезки! Трахаться — вот что тебе на самом деле нужно, и даже не нежно, а не слезки вытирать! У нее уже невроз на этой почве и эротические сны даже в обеденный перерыв, но — она же такая нежная девочка! Только намеком, полувзглядом, полувздохом... Ладно, за неимением гербовой, как говорится, пишут и на простой. Бывали, чего греха таить, у меня и такие манерные дамочки, но долго не задерживались. И не потому, что я не выношу Шуберта. Более того — я его никогда и не слышал, несмотря на вполне счастливое интеллигентское детство. Просто с Шубертом и прочим классическим наследием у нас в семье как-то не срослось... Моя маман до сих пор носитя как угорелая, запихивает свою необъятную задницу в джинсы и врубает на полную катушку рок, — не потому ли меня — то самое яблочко, упавшее неподалеку от яблони, и воротит от всех этих

кривляк, перезрелых нимфеток с сюсюкающими голосками неземных созданий?

Но та, с которой я общаюсь сейчас, явно не из их породы. И пусть кое в чем она даже излишне бесхитростна, почему-то мне с ней хорошо... Или я себя снова обманываю? Потому что мое сердце уже слишком давно свободно и меня тянет найти то, чего в природе не существует? И я начал приписывать неизвестно кому несуществующие достоинства, упорно не замечая недостатков... Неужели я снова готов влюбиться в кого ни попадя? Лишь потому, что за окном сыро, слякотно и так хочется тепла рядом? Человеческого, а не от китайской масляной батареи. Сам не зная зачем, я предлагаю:

«давай завтра сходим куда-нибудь?»

Действительно, а почему бы и не сходить — ведь мы живем в одном городе? Может быть, даже рядом. Заодно и взгляну на нее трезвым взглядом, проверю, что мне там померещилось... Наверняка ничего в ней особенного нет. Просто очередной ноябрь виноват, что я ищу неизвестно чего...

Она не отвечает так долго, что я успеваю выкурить сигарету. На улице упоительно пахнет осенними листьями, к терпкому аромату которых примешивается дым... Запах поздней осени и... одиночества. Для конца осени еще довольно тепло — наверное, это последнее тепло в этом году.